

ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ: *Негависимая газета*
1993. Зима.
с. 1, 5.

«Я УВЕРЕН, ЧТО ГАЙДАРОВСКИЙ ПИНОК В ЗАДНИЦУ МАТУШКЕ РОССИИ ОЧЕНЬ ПОЛЕЗЕН»

Он считает себя патриотом и хотел бы видеть Россию частью западного мира

Виктория Шохина

Life is...

Паровоз истории мчит с такой скоростью, что вы, приезжая, каждый раз оказываетесь в другой стране...

Это действительно так. Каждый раз я еду и жду, что увижу нечто ужасное — такое впечатление складывается в основном из-за прессы. Хотя причин для пессимизма достаточно, дело скорее, в самом стиле, в манере подачи информации. Журналистам кажется, что они должны нагнетать состояние предкатастрофного ужаса. Писать о каких-то признаках нормальности вроде неприлично.

Вы видите здесь признаки нормальности?

Светофор переключается — уже хорошо, идут троллейбусы с неразбитыми стеклами — очень хорошо, монеты стоят, на лапу берут — просто замечательно! Народ суетится, бегает, молодые люди свидания назначают — великолепно! Жизнь становится интенсивнее... Даже книги выходят.

И ваши книги?

У меня в «Конце века» вышли под одной обложкой две мои книги об Америке. «Non-stop» и «Грустный беби», в «Тексте» скоро выйдет «Московская сага» — тоже неплохо. А вообще я совершенно уверен в том, что все по себе в конце концов раскрутится. Что этот старый проклятый капитализм сам себя начнет показывать, если его не давить. Пока же все, что есть — коррупция и расложение общества, — неизбежно и нормально. На что еще мы можем после всего рассчитывать? Не можем же мы мгновенно превратиться в благостную Норвегию. Я уверен, что гайдаровский пинок в задницу матушке России очень полезен.

Вам нравится гайдаровское правительство?

Такое правительство — правительство тридцатилетних

— уникально даже в контексте всей Европы. Это образованные люди нового поколения, говорящие нормальным языком, не мыкающие, не гыкающие. Раньше ведь без фрикативного «гэ» нельзя было сделать политическую карьеру. Я, когда слышу «хэ», пугаюсь, что мы опять съезжаем в ту эпоху. Вообще работа людей такого типа в политике необходима. Вся революция делалась руками чирку, молодых городских профессионалов, хотя сам Рейган — представитель старшего поколения и опирался на консервативный истеблишмент. Но, как ни странно, их идеи практического толка сошли с общегосударственной идеей президента.

Все попытки переносить на российскую почту американские модели — как опыт Мичурин. На входе, например, капитализм, а на выходе... Запустили Хайека с Фридменом — получили Артема Тарасова.

Это было на Колыме?

Нет, это было в поезде, между Москвой и Ленинградом. Она, видимо, так хорошо, так близко к тексту рассказала «Кошку под дождем», что у меня сложился такой астральный образ хемингузовской прозы. Потом я нашел тексты — это было еще при Сталине. Ну а 59-й год, когда вышел черный двухтомник, — это был, конечно, переворот в сознании молодых литераторов и вообще в сознании целого поколения. Тогда появился Хемингуэй на стенах.

Но это не должно вызывать у вас протеста — мы же штатники...

Бывший, бывший штатник. Я сейчас гораздо критичнее отношусь к Америке, чем раньше. Америка — это просто страна, где люди живут. Нормально живут, думают о налогах, счетах и прочем. Место жительства. А Россия Америку демонизирует во всех смыслах.

Ну Россия демонизирует все что угодно. Вот у нас сейчас два основных идеологических лагеря — профессиональные демократы и профессиональные патриоты...

Они не патриоты, они — губители России!

(Окончание на стр. 5)

«Я УВЕРЕН, ЧТО ГАЙДАРОВСКИЙ ПИНОК В ЗАДНИЦУ МАТУШКЕ РОССИИ ОЧЕНЬ ПОЛЕЗЕН»

(Окончание на 1-й стр.)

— Да, но именно в этом лагере в ходу такие понятия, как родина, любовь к родине, патриотизм, демократы же этих слов чураются. Вас не пугают слова «любовь к родине»?

Совершенно не пугают. Я считаю себя патриотом. Я люблю Россию. И я... не знаю, может быть, из-за эмиграции я ее еще больше полюбил. Конечно, у меня другая концепция родины. Я хотел бы видеть ее частью западного мира, вот в чем дело. Я считаю, что русские, в силу разных причин, должны беспрекословно стать частью своей этнической группы. Может быть, это звучит и безобразно... Но это действительно так. Россия — промежуточное звено между Западом и Востоком, но может и должна стать звеном соединяющим. Кроме того, Россия — страна западной культуры, страна христианской. И об этом не следует забывать. У «патриотов» главный и единственный пункт программы — антизападнический. Хорош единственный пункт, в котором заложено «антито». Мы интегрируемся в Запад, Запад интегрируется в нас. И да Бог этому процессу быть. Должна возникнуть такая ситуация, в которой Запад не представлял бы себя без России. Вообще Россия нужна Западу как часть самого себя. Ведь у Запада на консервативный истеблишмент. Но, как ни странно, их идеи практического толка сошли с общегосударственной идеей президента.

— Вы помните ваше первое сильное впечатление об Америке, но, такую, как первая любовь?

— Да, и оно действительно связано с романтическим переживанием. Мне было лет девятнадцать, на верное. И девушки, которая мне нравились, пересказывали мне своими словами рассказы Хемингуэя из романа «Интернационалки».

— Вам кажется, что наша литературная связь с Америкой как-то прервалась?

— Все попытки переносить на российскую почту американские модели — как опыт Мичурин. На входе, например, капитализм, а на выходе... Запустили Хайека с Фридменом — получили Артема Тарасова.

— Да, Сорокин работает именно на том же пространстве, а он может работать шире и интереснее. Вот у него есть рассказ «Кисет» —тонкий, отличный рассказ. Он гораздо страшнее, чем все эти ужасы в «Сердцах четырех», вместе взятые. Потому что там точно, до конца ничего так и не сказано, все остается непонятным, зыбким. И мне кажется, что, если бы его поиск пошел в этом направлении, было бы много. А здесь сейчас нет вдохновения, потому что нет вдоха, выдох сплошной. Выдохновение... Впрочем, может быть, в этом свой закономерность, ведь нужно как-то выдохнуть всю грязь, скопившуюся в легких. Наверное, и Владимир Сорокин выдохнет. Но опять же встает вопрос: а дальше? Не все же время выдохнуть. Мы достигли как бы поверхности свалки. Вот наша страна чудес: свалка, по ней бродят мутанты, жрут друг у друга части всякие — это то, что характерно для нашего постмодернизма.

— Как писал Кушнер: «Он в свитерке, он в свитерке по всем квартирам висел с подтекстом в кулаке...»

— Да-да. «Ф-ф любил Хемингуэя — это уже мои стихи, — за что был нещадно бит в дискуссиях крутых друзьями, которые, уж отшумев свои фиесты и усами обзаве-

ся, любили Фолкнера...»

— А сейчас Фил Фофанофф и его создатель Аксенов по-прежнему любят Хемингуэя?

— Я люблю Хемингуэя. Я всегда люблю Хемингуэя. Его гораздо больше, чем Фолкнера, люблю. Надо сказать, что я гораздо больше люблю Хемингуэя, чем всю современную американскую литературу... Кстати, без русской литературы XIX века не возникло бы Большого Американского Романа. У меня есть спектакль, который я называю: «Влияние Хемингуэя на Достоевского». Если «Игрок» разложить по параметрам «Фиесты» — просто фантастика! — это почти сколок, геппак. Тот же самый набор: «заграничные русские» и «заграничные американцы», таблички вместо кафе, все мужчины крутились здесь вокруг Полины, а у Хэма — вокруг Брет Эшли. Мистер Астлей очень похож на Роберта Коня. Алексей не может любить Полину, поскольку у него нет денег, а Джейк Барнс не может любить Брет Эшли, потому что у него нет органа любви...

— Кстати, ваш друг Виктор Ерофеев писал, как его шестидесятники воспитывали: «Скажи человеку звучит гордо», — а он лишь хмурился в ответ...

— Это не мое относится. Я его никогда не воспитывал. Тем более что я-то как раз всегда издавался над этим лозунгом.

— Но у вас же есть романтический пафос — идет по росе Хоровский Человек...

— Есть, конечно, есть, но не сам по себе, а с ironией, с насмешкой, с сарказмом.

— Может, он Феликса Кузнецова имел в виду?

— Не знаю... С Кузнецовым он не дружил. Я думал, его поколение создало себе стереотип, которого вообще в природе не существует.

— Вы помните ваше первое сильное впечатление об Америке, но, такую, как первая любовь?

— Да, и оно действительно связано с романтическим переживанием. Мне было лет девятнадцать, на верное. И девушки, которая мне нравились, пересказывали мне своими словами рассказы Хемингуэя из романа «Интернационалки».

— Вам кажется, что наша литературная связь с Америкой как-то прервалась?

— Все попытки переносить на российскую почту американские модели — как опыт Мичурин. На входе, например, капитализм, а на выходе... Запустили Хайека с Фридменом — получили Артема Тарасова.

— Да, Сорокин работает именно на том же пространстве, а он может работать шире и интереснее. Вот у него есть рассказ «Кисет» —тонкий, отличный рассказ. Он гораздо страшнее, чем все эти ужасы в «Сердцах четырех», вместе взятые. Потому что там точно, до конца ничего так и не сказано, все остается непонятным, зыбким. И мне кажется, что, если бы его поиск пошел в этом направлении, было бы много. А здесь сейчас нет вдохновения, потому что нет вдоха, выдох сплошной. Выдохновение... Впрочем, может быть, в этом свой закономерность, ведь нужно как-то выдохнуть всю грязь, скопившуюся в легких. Наверное, и Владимир Сорокин выдохнет. Но опять же встает вопрос: а дальше? Не все же время выдохнуть. Мы достигли как бы поверхности свалки. Вот наша страна чудес: свалка, по ней бродят мутанты, жрут друг у друга части всякие — это то, что характерно для нашего постмодернизма.

— Как писал Кушнер: «Он в свитерке, он в свитерке по всем квартирам висел с подтекстом в кулаке...»

— Да-да. «Ф-ф любил Хемингуэя — это уже мои стихи, — за что был нещадно бит в дискуссиях крутых друзьями, которые, уж отшумев свои фиесты и усами обзаве-

ся, любили Фолкнера...»

— А сейчас Фил Фофанофф и его создатель Аксенов по-прежнему любят Хемингуэя?

— Я люблю Хемингуэя. Я всегда люблю Хемингуэя. Его гораздо больше, чем Фолкнера, люблю. Надо сказать, что я гораздо больше люблю Хемингуэя, чем всю современную американскую литературу... Кстати, без русской литературы XIX века не возникло бы Большого Американского Романа. У меня есть спектакль, который я называю: «Влияние Хемингуэя на Достоевского». Если «Игрок» разложить по параметрам «Фиесты» — просто фантастика! — это почти сколок, геппак. Тот же самый набор: «заграничные русские» и «заграничные американцы», таблички вместо кафе, все мужчины крутились здесь вокруг Полины, а у Хэма — вокруг Брет Эшли. Мистер Астлей очень похож на Роберта Коня. Алексей не может любить Полину, поскольку у него нет денег, а Джейк Барнс не может любить Брет Эшли, потому что у него нет органа любви...

— Кстати, ваш друг Виктор Ерофеев писал, как его шестидесятники воспитывали: «Скажи человеку звучит гордо», — а он лишь хмурился в ответ...

— Это не мое относится. Я его никогда не воспитывал. Тем более что я-то как раз всегда издавался над этим лозунгом.

— Но у вас же есть романтический пафос — идет по росе Хоровский Человек...

— Есть, конечно, есть, но не сам по себе, а с иронией, с насмешкой, с сарказмом.

— Может, он Феликса Кузнецова имел в виду?

— Не знаю... С Кузнецовым он не дружил. Я думал, его поколение создало себе стереотип, которого вообще в природе не существует.

— Вы помните ваше первое сильное впечатление об Америке, но, такую, как первая любовь?

— Да, и оно действительно связано с романтическим переживанием. Мне было лет девятнадцать, на верное. И девушки, которая мне нравились, пересказывали мне своими словами рассказы Хемингуэя из романа «Интернационалки».

— Вам кажется, что наша литературная связь с Америкой как-то прервалась?

— Все попытки переносить на российскую почту американские модели — как опыт Мичурин. На входе, например, капитализм, а на выходе... Запустили Хайека с Фридменом — получили Артема Тарасова.

— Да, Сорокин работает именно на том же пространстве, а он может работать шире и интереснее. Вот у него есть рассказ «Кисет» —тонкий, отличный рассказ. Он гораздо страшнее, чем все эти ужасы в «Сердцах четырех», вместе взятые. Потому что там точно, до конца ничего так и не сказано, все остается непонятным, зыбким. И мне кажется, что, если бы его поиск пошел в этом направлении, было бы много. А здесь сейчас нет вдохновения, потому что нет вдоха, выдох сплошной. Выдохновение... Впрочем, может быть, в этом свой закономерность, ведь нужно как-то выдохнуть всю грязь, скопившуюся в легких. Наверное, и Владимир Сорокин выдохнет. Но опять же встает вопрос: а дальше? Не все же время выдохнуть. Мы достигли как бы поверхности свалки. Вот наша страна чудес: свалка, по ней бродят мутанты, жрут друг у друга части всякие — это то, что характерно для нашего постмодернизма.

— Как писал Кушнер: «Он в свитерке, он в свитерке по всем квартирам висел с подтекстом в кулаке...»

— Да-да. «Ф-ф любил Хемингуэя — это уже мои стихи, — за что был нещадно бит в дискуссиях крутых друзьями, которые, уж отшумев свои фиесты и усами обзаве-

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

геров «Иду на грозу» Гранина. Замечательно! Но бесконечно нагнетание ужасов, грязи... Это уже становятся чем-то вроде дешевой американской «литературы ужасов». Я вижу, что весь авангардистический пафос... Но ведь авангард — это не авангардистское течение. Ведет авангард, отдалился прежде всего общим вдохновением. Вот «бубнововалеты» собирались на студии Машкова и вместе писали холсты. Им надо было быть вместе, они были одержимы единым порывом... Это очарование миром и желание освещать, преобразить его, создать свой творческий мир. То же было, скажем, и у сюрреалистов в 20-е годы... Общее вдохновение. О культуре шестидесятников, от которых я иначе не могу говорить как об авангарде. Я и сейчас пишу, какое-то нечто, не знаю, что это, но оно несет в себе что-то общее с тем, что я вижу в этом произведении. Это «бубнововалеты» собирались на студии Машкова и вместе писали холсты. Им надо было быть вместе, они были одержимы единым порывом... Это очарование миром и желание освещать, преобразить его, создать свой творческий мир. То же было, скажем, и у сюрреалистов в 20-е годы... Общее вдохновение. О культуре шестидесятников, от которых я иначе не могу говорить как об авангарде.

— Для меня это как раз постмодернистическое произведение. Это семейная хроника, драма семьи, изложенная в слегка ироническом духе, может быть, порой даже еле уловимом. И как-то обрываясь, конечно, уже существующие саги, в английской традиции... тех же Форсайтов. Или, знаете, такие выпуски с продолжениями: романы Диккенса когда-то выходили, каждую неделю — как телесериалы. Конечно, я имел в виду и телевизионную поэтику мелодрамы, кич таинством?

— Для меня это как раз постмодернистическое произведение. Это семейная хроника, драма семьи, изложенная в слегка ироническом духе, может быть, порой даже еле уловимом. И как-то обрываясь, конечно, уже существующие саги, в английской традиции... тех же Форсайтов. Или, знаете, такие выпуски с продолжениями: романы Диккенса когда-то выходили, каждую неделю — как телесериалы. Конечно, я имел в виду и телевизионную поэтику мелодрамы, кич таинством?

—